

*Адресъ: Андрей
Борисовичъ*

МАРИНА МНИШЕХЪ,

БНЯЖНА СЕНДОМІРСКАЯ,

ЖЕНА

ДИМИТРІЯ САМОЗВАНЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ,

ОТНОСЯЩІЙСЯ КО ВРЕМЕНАМЪ

ЦАРЯ БОРИСА ГОДУНОВА, ДЖЕДИМИТРІЯ,

ЦАРЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКАГО И МЕЖДУЦАРСТВІЯ,

СЛУЖАЩІЙ ДОПОЛНЕНІЕМЪ РОМАНА:

ДИМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Ив. Грбевъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Т. ВОЛКОВА И К^О.

1857.

МАРИНА МНИЩЕХЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Москва. Февраля 2-го дня
1857 года.

Ценсоръ Н. Гиллровъ-Платоновъ.

~~Писаннаго - Лаврентія~~
~~Бориславина.~~

Самое возвышеніе порока служить къ тор-
жеству добродѣтели; ибо Провидѣніе для того
возноситъ его, чтобы въ полнотѣ обнаружить его
гнусность, и показать рѣзкія противоположно-
сти съ истиннымъ величіемъ.

Сог. О. Бумарина, часть I, стр. 92.

~~Полное собрание сочинений~~
~~Григорія Валугина~~

МАРИНА МНИШЕХЪ.

ГЛАВА I.

Ночь. — Марина и Хмзлецкач. — Оскорбление Марины. — Чувство самолюбия. — Страдание. — Толки въ деревнѣ Русской на границѣ Литовской. — Григорій Валугевъ. — Вести изъ Польши.

Уже давно наступилъ день, послѣдующій обручальному пиршеству; уже давно промышленный художникъ сидѣлъ въ мастерской своей и работалъ; давно поденщикъ отиралъ нѣсколько разъ потъ съ лица своего и уже подкрѣплялъ истомленные силы свои умѣреннымъ завтракомъ; давно уже оборотливый купецъ сидѣлъ въ своей крамѣ (*); гости ко-

(*) Крама значитъ: лавка.

ролевѣ, пированіе на обрученіи Марины, давно уже погружены были въ глубокій сонъ: но невеста царская еще не ложилась. Скорыми шагами ходила она изъ угла въ уголъ въ своей опочивальнѣ. Корона, украшавшая голову ея, лежала на туалетѣ, бѣлое подвѣчное одѣяніе ея, унизанное драгоценными камнями (1), было разстелнуто и въ безпорядкѣ, волосы, освобожденные отъ тягостнаго украшенія, распущены были по плечамъ. На щекахъ ея, горѣвшихъ пламенемъ, видны были слѣды слезъ; гофмейстерина ея и другъ, панна Хмелецкая, сидѣла въ креслахъ и съ чувствомъ сильнѣйшаго соучастія слѣдила взорами царицу Русскую, и изъ глазъ ея катились слезы...

— Успокойтесь, ради Бога, царица! сказала Хмелецкая.

— Ахъ, другъ мой, не называй меня такъ! Не величай этимъ титуломъ: онъ похитилъ у меня все, чѣмъ питалось сердце мое въ здѣшнемъ мірѣ.

— Но, ваше величество, кто дерзнетъ от-

нять съ васъ то, что даровано вамъ Богомъ?

— Рука Его неисповѣдима! Лобызаю руку сію, но не могу не роптать. — Она закрыла лице свое, но Хмблецкая увидѣла, что новый ручей слезъ, скатившись съ щекъ ея, капнулъ на богатое ожерелье — даръ жениха ея.

— Ваше величество! вы опять плачете?

— Слезы облегчаютъ сердце! Слезы есть неотъемлемое сокровище несчастныхъ! это великій даръ неба, улаждающій бѣдствія жизни и облегчающій тягость сердечную!

— Ваше величество, я не вижу причинъ вашей горести, вашихъ опасеній въ будущемъ, вашихъ скорбныхъ предчувствій.

— Милая Хмблецкая! — Марина сѣла подлѣ гофмейстерницы, и начала: — Помнишь ли ты, какъ годъ тому назадъ, была я весела, рѣзва? Помнишь ли, какъ радовалъ меня распускающійся въ цвѣтникъ моемъ розанъ? Помнишь ли, съ какими удовольствіемъ кормила я въ

Самборъ голубковъ мопхъ?—Бѣдные! кто теперь накормить васъ!—Помнишь ли, какъ, почитая тебя другомъ, я открывала тебѣ мое сердце и говорила: я счастлива! Ахъ, это былъ прекрасный сонъ! Не правда ли?

— Тогда питались вы мечтами чувствительности и воображали только быть счастливыми.

— А теперь, хочешь ты сказать, я уже счастлива?

— Конечно! чего еще лучшаго можно ожидать на этомъ свѣтѣ?

— Если такъ, то этотъ свѣтъ жалокъ! Помнишь ли, говорю я, Хмѣлецкая, съ какою, бывало, радостію, вставши поутру, прибѣгала я къ тебѣ и раскрывала мое сердце? Иногда говорила я тебѣ о прекрасномъ снѣ; иногда о миломъ Осмульскомъ; иногда о сладостномъ вліяніи чтенія на мое сердце; а теперь.... теперь, кому открою я мое сердце? конечно тебѣ; но мое званіе не всегда можетъ допускать откровенность; мое настоящее званіе заставляетъ меня смотрѣть на все другими глаза-

ми; мое настоящее званіе не позволяет мнѣ заняться тѣмъ, что доселѣ питало мое сердце и душу. И такъ прелестное сновидѣніе превратилось въ горестную сущность: ступени трона отдѣляли меня отъ всего, что мило было сердцу! Корона покрываетъ голову мою и задавить въ ней всё прелести воображенія; порфира закроетъ меня и для любви, и для дружбы. Это ужасно! и этого-то добивался умный Годуновъ!

— Ваше величество! вамъ останутся двѣ важнѣйшія вещи въ мірѣ, которыя суть, единственно, достоинствѣ царей—вѣдѣносныхъ владыкъ земныхъ.

— Останутся? Скажи мнѣ, что такое?

— Способы благотворить нашимъ подданнымъ и....

— Тсъ! не договаривай втораго; но прежде скажи мнѣ, кто поручится мнѣ, что я не лишена буду способовъ къ исполненію сей великой обязанности? Кто поручится, что супругъ мой, что сей кичливый царь Московскій, уважитъ просьбу мою и проститъ оскорбивша-

го его? Знала ли я сердце моего супруга? Буду ли даже въ-силахъ когда либо проникнуть въ оное?

— Какія ужасныя мысли! ваше величество, время все переработаетъ. Ваши достоинства...

— Можетъ цѣнить только низшій меня и равный, а царь, возводящій меня на тронъ свой, не забудетъ, что онъ для меня сдѣлалъ! Онъ захочетъ можетъ быть, чтобы я утѣшалась блескомъ пышности, золотомъ; играла прелестными игрушками и не мѣшалась ни во что; не помогаза бы ему нести тягостное бремя правленія; захочетъ, можетъ быть, чтобы я, жена его, не знала его иначе, какъ только по коронѣ и порфирѣ. Тогда, тогда участь моя будетъ хуже участи послѣдней крестьянки!

Она залилась слезами, быстро встала съ кресель и снова скорыми шагами начала ходить по горницѣ. Хмѣлецкая также плакала.

— Скажи мнѣ, теперь, продолжала Марина, — какая другая важная вещь останется для царицы Московской?

— Мне не должно бы было говорить о ней, но ваше величество спрашиваете, и я отвечаю: сладостное чувство матери, воспитывающей наследника престола, воспитывающей его къ будущему блаженству миллионов подданныхъ; образующей сердце его, съюющей въ юномъ сердцѣ будущаго владѣтеля сѣмена добродѣтели и...

— Сладостно! прекрасно! утѣшительно! но здѣсь,—она указала на свое сердце,—здѣсь *замкнуто отверстіе* для этихъ высокихъ чувствованій!

— Почему же, ваше величество?

— И ты спрашиваешь, Хмѣлецкая?—А! еще не прошло сутокъ послѣ наименованія меня царицею, а цarina Хмѣлецкая не понимаетъ уже прежняго друга своего, Марины! я не понимаю тебя! Неужели мое возвышеніе истребило твои способности, твое благоразуміе, твою дальновидность?—Или ужь я,—она горько улыбнулась, — ослѣпилась величіемъ моимъ до того, что не могу ничего

предо мною видѣть въ настоящемъ образѣ?

Марина снова сѣла въ кресла; тяжкій вздохъ вырвался изъ груди ея; она взяла руку Хмѣleckой и тихо продолжала:

— Знаешь ли ты, для чего будущій супругъ мой принялъ въ службу свою Осмульскаго?

— Вѣроятно по его личнымъ достоинствамъ.

Марина улыбнулась.

— Знаешь ли, для чего Осмульскій определенъ въ штатъ мой съ званіемъ перваго пажа?

— Вѣроятно потому, что онъ намѣревается составить штатъ вашъ изъ людей достойнѣйшихъ и вашихъ единосемцевъ.

Марина снова улыбнулась, опустила руку своей прежней подруги и встала.

— Нѣтъ! сказала она, — я всего лишилась! у меня нѣтъ и друга! и Хмѣleckая, добрая моя Хмѣleckая, не говорить уже предо мною правды!

— Ваше величество!

Марина подошла къ Хмѣлецкой, и устремивъ на нее быстрый взоръ, спросила:

— И ты не знаешь, не можешь постигнуть, для чего оставляю при мнѣ Осмульскій?

Хмѣлецкая поражена была величественнымъ взглядомъ Марины и встала съ кресель со всею почтительностію подданной; замѣшательство видно было во всѣхъ чертахъ лица ея и во всѣхъ движеніяхъ.

— И ты не знаешь, не можешь постигнуть, продолжала Марина въ томъ же тонѣ, — для чего царь, будущій супругъ мой, оставляетъ при мнѣ Осмульскаго? — Ты молчишь, мой старый другъ, моя Хмѣлецкая! — Лице и взоры Марины снова воспріяли прежнюю вѣжность и кротость. — Ты не хочешь огорчать меня? Не бойся! сердце мое уже почти окаменѣло отъ горести. Не правда ли: царь Московскій зналъ мою склонность къ Осмульскому, зналъ тайну любви моей и, по милосердію своему, оставляетъ злосчастной своей супругъ свободу, а по его мнѣнію, единствен-

ное ея утѣшеніе!—не правда ли?..—Глубо-
кій вздохъ вырвался изъ груди ея. Во взо-
рахъ изобразилась дикость. Хмѣлецкая не сво-
дила съ нея глазъ и едва могла держаться на
ногахъ.

— И такъ, продолжала Марина, — и такъ
я, одна изъ заведенѣйшихъ доселѣ невѣстъ
королевства Польскаго, невѣста царя Москов-
скаго, не сдѣлавшая еще женою, уже заслу-
жила презрительное сожалѣніе: вмѣсто пла-
менной любви, вмѣсто пылающаго сердца, да-
вать меня блестящими игрушками, не скры-
ваютъ своего хладнокровія и, какъ маленькое
несмысленное дитя, желаютъ утѣшить, унять
отъ слезъ, оставляя при ней любимую ея
куклу, и кто-жъ участникъ въ этомъ адскомъ
заговорѣ?... Мой будущій мужъ! мой родной
отецъ! мое отечество! — Боже мой, Боже мой!
что я имъ сдѣлала?

Марина безъ чувствъ упала на софу. Голо-
ва ея склонилась къ груди, глаза сомкнулись,
губы посинѣли, смертная блѣдность въ мгно-
веніе она покрыла лицо ея.